

Об участии калмыков в Чигиринском походе 1678 г.

Чигиринские походы 1677-1678 гг.; русско-турецкая война 1672-1681 гг.; XVII в.; военная история; калмыки.

В статье рассматривается участие калмыцких отрядов в Чигиринской кампании 1678 г. Исследуются причины их привлечения на службу, организация снабжения продовольствием, роль в военных действиях.

Русско-турецкая война 1670-х – начала 1680-х гг. стала первым прямым столкновением двух государств, охватившим целый восточноевропейский регион. Этот конфликт не может быть сведен только к противостоянию русско-украинских и османских войск, в него были вовлечены многие соседние государственные образования. В составе османской армии действовали части молдавских и валашских господарей. По приказу султана крымский хан Мурад Гирей должен был привезти многотысячную крымскую конницу, что поставило Москву перед необходимостью задействовать в военных действиях сопоставимую им по боевым качествам степную конницу.

Об участии калмыков в военной кампании 1678 г. довольно подробно, но на основании опубликованных источников излагается в работе Т.И. Беликова [3]. В более общих чертах данный вопрос рассматривался в исследованиях А.Н. Басхаева [2], Е.Ч. Чонова [7], К.П. Шовунова [8].

В фонде Разрядного приказа в РГАДА сохранились документы, позволяющие уточнить особенности привлечения калмыцких отрядов на службу и рассмотреть те трудности и опасения, с которыми при этом могло столкнуться московское правительство.

Заинтересованность русско-украинского командования в вовлечении в боевые действия конных отрядов калмыков была связана с несколькими факторами. С одной стороны – это стремление численно увеличить войска соединенной армии за счет быстрой и маневренной калмыцкой конницы, известной своими боевыми качествами. Здесь нужно иметь в виду, что в распоряжении османов была многотысячная крымская конница, ввиду чего вставал вопрос о противодействии в том числе и татарским отрядам. Соединение с калмыками давало возможность русско-украинскому командованию обратиться к тем же

¹ Яфарова Мадина Рашидовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., mryaf@bk.ru.

методам ведения войны, к которым могли прибегнуть османы, используя крымцев – благодаря высокой маневренности отрезать и блокировать вражеские войска, однако с той существенной разницей, что крымцы разоряли эти территории, в то время как московское правительство стремилось с помощью калмыков обеспечить безопасность подвластного ему населения. Тем более считалось, что крымские татары боятся калмыков: «татаровя, де, бой их знают и, увидя их, битца с ними не станут, побегут»². Кроме того, по мнению И. Самойловича, калмыцкая конница своими набегами могла нанести значительный урон отступающему противнику [1, № 11, стб. 41-42].

В то же время русская конница по боевым характеристикам уступала турецко-татарской. Об этом можно судить из расспросных речей перебежчиков из османской армии во время осады Чигирина в 1678 г. Так, Васька Андреев, уроженец «Умони города» сообщал, что «будучи в турецких полках, слышал, <...> про конных, де, говорят, конница московская есть добрая, а худой, де, конницы болши и битца, де, им с московскою в моч болшую»³. Другой перебежчик сообщал: «Они, де, говорят про меж собою, что, де, в государских полках в обозех бояр и воевод, что, де, их турак болши московских полков конницею. И московская, де, конница им в великую мочь»⁴.

И. Самойлович еще в 1677 г. считал, что в походе против османской армии обязательно должны быть задействованы калмыки [1, № 11, стб. 41-42]. Однако обеспечить их участие в военных действиях 1677 г. под Чигирином не удалось [1, № 82, стб. 316-318; 4, с. 29]. В этой связи русско-украинским командованием важное место при подготовке к отражению турецкой агрессии в 1678 г. отводилось их вовлечению в боевые действия против османов. В инструкции от 9 декабря 1677 г., посланной с судьей И. Домонтовым для доклада московскому государю, гетман И. Самойлович представил свою точку зрения, касающуюся подготовки к новому походу [1, № 93, стб. 398-405]. Особое внимание в ней было уделено калмыкам, которых «надобно <...> имети себе в помочь». По мнению гетмана, предпринятые меры по организации их выступления должны были включать следующие действия: в походе калмыцкие войска должны будут сопровождать специально назначенные «проводжатые», для того, чтобы «их прямо <...> на потребное место проводили, потому что они, калмыки, ныне без проводжатых ходя, много безчисленного разорения в людех и

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 847. Л. 38.

³ Там же. Д. 1157. Л. 341–342.

⁴ Там же. Л. 346–347.

во имениях починили, также между слободскими украинскими, как между полку полтавского городами». Кроме того, на всем протяжении пути им необходимо было высылать «харчи» из близлежащих городов. При этом калмыки, по мысли И. Самойловича, как и государевы ратные люди, должны были выступить зимой, чтобы «доколе реки не розойдутца <...> к весне подоспели, так как бы мы скоро с боярином и с войсками, при нас будучими, к Днепру во время надобья прибудем, и они стали там без замедления» [1, № 93, стб. 402-403].

Изначально по выработанному Г.Г. Ромодановским и И. Самойловичем плану боевых действий русско-украинская армия должна была прийти к Днепру «пред приходом неприятелским» [1, № 92, стб. 387-394]. Тех ратных людей, которые будут посланы «в прибавку» к армии Г.Г. Ромодановского, следовало отправить заранее «нынешним зимним путем», чтобы «за зимнее пред всяким положением дороги в сих порубежных украинских местех в готовности стали» [1, № 92, стб. 388]. Впоследствии в этот план был внесен ряд изменений. Главное из них заключалось в раздельном призыве на службу пеших и конных полков. Так, «пехотным салдацким полком и стрелецким приказом, прежним и нынешним, прибылым, со всякими воинскими запасы итти в Куреск же по нынешнему последнему зимнему пути». В то время как «столником и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и городовым дворяном, и детем боярским, и низовым ратем, и рейтаром, и драгуном стать на указных местех на Троицын день [т.е. в июне – М.Я.] нынешнего 186 году, для того, что таким великим конным ратем по зимнему пути стоять будет негде, и конских кормов добыт будет невозможно. И от того прежде времени, и не видеся с неприятелем, изнужатца» [1, № 93, стб. 397]. Калмыцким отрядам также было «зимним путем поспешити <...> невозможно». В дальнейшем такое решение, отчасти оправданное сложностями с продовольствием, все же вносило значительные затруднения при сборе ратных людей и сковывало впоследствии действия Г.Г. Ромодановского, в частности, из-за вынужденного ожидания калмыков во главе с К.М. Черкасским.

Решение о привлечении калмыков на службу было принято уже в начале 1678 г.: «Великий государь, его царское величество, указал калмыцким войскам в том промыслу быть. И для того его государское повеление к калмыцким тайшам послано с нарочным посланным». Организация и командование калмыками и другими подвластными Московскому государству народами было возложено на К.М. Черкасского, кабардинского князя на русской службе. Еще в 1661 г. ему была выдана жалованная грамота «за службы деда его Сунчелея и отца его

князя Мацула» и «велено было быть князем над окочанами и черкесами в Терском городке, ведать и судить их в ратном строении и во всех делах ходить на царскую службу во все походы» [Цит. по 6, с. 32; 3, с. 42-43].

К городovým воеводам и приказным людям тех городов, через которые предстояло пройти черкесским и калмыцким отрядам, были посланы царские грамоты. Сохранилась царская грамота от 1-го июня чугуевскому воеводе И. Рыхторову, по которой ему следовало: «как калмыцкие тайши с колмыки <...> в малороссийские города <...> мимо чюгуйских крепостей пройдут Чюгуевом, всяких чинов градским и уездным людям, которые от приходу воинских людей стоят на крепостях на сторожах от тех колмыцких людей велеть быт во всякой осторожности, а съсоры никакие и задору с ними чинить не велено и мимо чюгуевских крепостей степью по нагайской и по крымской стороне пропускать их везде без задержанья». В случае, если «буде ис тех колмыков придут к крепостям из ногайские и ис крымские стороны, и в крепости учнут прокрадыватца и <...> всяких чинов людей учнут чинит какое разоренья или станут в Чюгуевском уезде воеват и людей побиват», то воеводе следовало «над теми колмыки промысл и поиск всякий чинит, чтоб их от того воровства унять и до болшого дурна не допустит, и Чюгуевского уезду <...> всяких чинов людей от них уберец, и до болшого дурна не допустит, и в розоренья им не дати»⁵. Известна аналогичная грамота, посланная в Новый Оскол⁶.

Об исполнении царского указа К.М. Черкасским становится известно из его отписок царю. 9 июня Черкасский сообщал в Москву, что «с Терка приехал в Астрахань апреля в 10 день, а с ним черкасские, да нагайские, да окоцкие мурзы с уздени своими. И в Астрахани пересмотря ратных людей, которым у него в полку быть велено, поехал из Астрахани в калмыцкие улусы к Аюкаю и к Солом Сереню и к иным тайшам»⁷. 17 июля он писал царю, что «мая в 14 день, договоряс они в калмыцкых улусех с Аюкаем тайшею <...> о службе, послал он, Аюкай, на службу великого государя с ними брата своего Замсу меншого, да Солом Серена тайши сына Монго Темира, да Батыра тайше, а с ними владетельных и начальных людей сорок дву человек, да калмыцких ратных людей тысячу осмидесят осми человек. А с Царицына, пошед на службу великого государя с ратными людми, <...> и Дон реку перелезли промеж Голубинского <...> июня в 25 день». К

⁵ Там же. Л. 75–76.

⁶ Там же. Д. 866. Л. 116–117.

⁷ Там же. Л. 107.

Волуйкам войска подошли 6 июля, а «с Волуек пошли на Царев Борисов июля в 10-м числе»⁸. 13 июля они были уже под Чугуевым⁹. 18 июля К.М. Черкасский с войсками «прошли через Чюгуев посадом к Харкову»¹⁰. Как видно, большую часть времени К.М. Черкасский провел в Царицыне в ожидании прихода калмыцких отрядов.

29 июля К.М. Черкасский с войсками переправился через Днепр и пришел в обоз к Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу, а 31 июля, как писал в своей отписке воевода, «случас мы, холопи твои, за Днепром со князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и с калмыцкими тайшами и вашего Царского Величества подданного войска Запорожского гетмана Ивана Самойловича со всеми твоими Великого Государя ратными и конными и пешими людми и с обозы пошли для промысла над неприятелскими людми к Чигирину»¹¹.

Конечно, передвижение больших масс степной конницы вдоль границы Московского государства могло породить конфликтные ситуации. Так, годом ранее несколько сотен калмыков шли к Днепру на соединение с войсками Г.Г. Ромодановского, однако, как известно из «Дневника» П. Гордона, они «дошли до самого Белгорода, дабы оказать нам поддержку в Чигирине, но, будучи холодно встречены князем Петром Ивановичем Хованским, не имевшим указа касательно оных, на обратном пути, возле Тамбова, угнали несколько тысяч голов скота» [4, с. 29].

Поэтому в 1678 г. русско-украинскому командованию было специально указано «иметь их в любви и в совете, и в кормех и в питье велеть калмыков удовлетворять, как возможно» [1, № 139, стб. 609]. Воеводам пограничных городов было предписано обеспечивать войска К.М. Черкасского продовольствием. В отписке И. Рыхторова царю в конце июля говорилось, что после того, как войска К.М. Черкасского подошли к Чугуеву и встали в трех верстах от города, с жителей города «на корм колмыцким тайшам и их колмыцким же ратным людем» были взяты «хлебных запасов круп и пшена сто четей, да печеного хлеба двести тритцат семь коврег, да сто яловиц, да двести боранов, да шестьдесят подвод. Да для подчиненья колмыцких тайшей и колмыков в Чюгуеве ж с твоего государева кружечиного двора из погреба взято у выборного головы у Микиты Остафьева с цело-

⁸ Там же. Л. 421.

⁹ Там же. Д. 1157. Л. 61.

¹⁰ Там же. Л. 77.

¹¹ Там же. Л. 78.

валники пятьдесят ведр вина простого»¹². Гетману И. Самойловичу также следовало приказать «в малороссийских городех жителем тех калмык в кормех и в питье удоволствовать, как возможно» [1, № 93, стб. 403].

Несмотря на то, что численность калмыков составляла чуть больше 1000 человек (вместе с черкесами К.М. Черкасского его отряды насчитывали «по смете <...> три тысячи сцомьсот человек»¹³), гетман И. Самойлович считал ее вполне достаточной для совершения успешных боевых действий против османской армии: «и то б их было <...> хотя бы с две тысячи человек, впрям бы <...> много ими исправилось неприятелем страху, которой, дабы <...> на них во время прилучея воинскаго, послати благоволил» [1, № 116, стб. 500].

Участие калмыцких отрядов в боевых действиях под Чигирином подробно разобрано в работах Т.И. Беликова [3, с. 44-45] и А.Н. Басхаева [2]. Стоит отметить, что калмыки принимали активное участие в боях 1-3 августа за Чигиринские высоты. Их легкую маневренную конницу использовали не только для штурма Стрельниковой горы, но и для преследования отступающего неприятеля [5, с. 576]. Своеобразный итог выступления калмыков во главе с К.М. Черкасским подводит в своей отписке царю гетман И. Самойлович. По его словам, князь «с мурзами и с людми своими, с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей бусурман, турков и татар, стояли с нами мужественно, как им воинская храбрость повелевая, и за то достойно суть похвали» [1, № 154, стб. 678].

В ночь с 11 на 12 августа русско-украинская армия отступила от Чигирина к Днепру и вечером 13 августа, укрепясь, заняла прежние позиции на правом берегу Днепра. Для того, чтобы прикрыть тыл от возможного удара крымской конницы, на переяславскую сторону, по приказу Г.Г. Ромодановского, во главе с К.М. Черкасским переправились калмыцкие и черкесские войска¹⁴. Из расспросных речей от 28 августа стряпчего С. Любавского, отпущенного из полков князя К.М. Черкасского следует, что после того, как его войска укрепились на левом берегу Днепра, а русско-украинские войска вели боя с османами, «иные калмыки пошли к себе в улусы»¹⁵. Отголосок недовольства такими действиями можно обнаружить в письме И. Самойловича, который по окончанию кампании 1678 г. писал в Москву, что «калмы-

¹² Там же. Л. 77.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 154.

¹⁵ Там же. Л. 196.

ки, как увидели неприятелское на нас насилие, тотчас ни мало не одерживаясь при нас, пошли, многие беды наделав здешним людем, в свою сторону» [1, № 156, стб. 689].

Подведем итоги. Османское вторжение на Правобережную Украину поставило под вопрос русское присутствие на этих землях. Вовлекая в конфликт с Московским государством Крымское ханство, османы поставили русско-украинское командование перед необходимостью привлечь союзные войска из Калмыцкого ханства. Необходимо особо подчеркнуть значительные усилия, предпринятые для обеспечения их длительного похода всем необходимым, с тем, чтобы устранить почву для конфликтов между приглашенными союзниками и местным населением.

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 13. 1677-1678. СПб., 1884.
2. *Басхаев А.Н.* Участие калмыков в русско-турецких войнах второй половины XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 1.
3. *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста, 1960.
4. *Гордон П.* Дневник 1677-1678. М., 2005.
5. *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. XV. СПб., 1881.
6. *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях в XVI-XVIII вв. Нальчик, 1948.
7. *Чонов Е.Ч.* Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 г. Пятигорск, 1912.
8. *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.). Элиста, 1991.